

СМОТРИТЕЛИ

Максим Мортем

18+

Максим Мортем Смотрители

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55834322

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-05639-8

Аннотация

Мощь человечества росла изо дня в день, каждый так или иначе начал представлять угрозу самому Богу, но и этого людям оказалось мало. К сожалению, лишь немногим выпала честь заняться бесконечным развитием, который и позволил бы им свергнуть Бога. Сумеет ли кто-нибудь из них признаться в любви к Смерти и казнить Тишину? Исчезнет ли атеист, переставший верить в себя; сменится ли ночь правления одного единственного Бога непроглядной тьмой тирании миллиардов людей, ставших богами?

Содержание

1 глава. Великий Человек.	4
2 глава. Мертвая радость.	13
3 глава. Звериный суд.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Максим Мортем

Смотрители

1 глава. Великий Человек.

Мир, в котором никто ни с кем не контактирует. Мир, в котором нет распрей и войн. Мир, в котором нет общества. Казалось бы, ну что за бред? Ведь хотя бы некоторые да останутся взаимодействовать друг с другом. Но если этого взаимодействия не последует? Если каждый будет считать, что он последний выживший?

Земля. Сектор 12.01. В одну из сотен дверей вошёл человек восьмидесяти пяти лет с яблоком в руке. Поразительно, как далеко скакнули технологии, этот человек выглядит всего лишь на тридцать, телом, своей оболочкой, он молод, но душевные терзания доконали его. Он осмотрел свой кабинет и вздохнул: "Как жаль, что мне приходится следить за всеми этими людьми. Столько лет прошло, а обещанная счастливая жизнь так и не наступает. Зря я всё-таки поменялся с ним. Нужно было оставить всё, как есть".

Он сел за стол и включил мониторы. Лампочки 3, 7 и 10 загорелись зелёным. На левом ярком мониторе высветилась подробная статистика по конкретному жителю, а на правом – общая по всем сразу. Смотритель – именно так называют

людей с его званием – начал листать сводку по каждому человеку в секторе, чем он и занимался последние несколько лет изо дня в день.

И вдруг он увидел одну необычную деталь: мозг одного из жителей напряжён выше нормы. Будто бы он пытается проснуться. "Странно. Такое было лишь однажды, и то это происходило то ли с кошкой, то ли с собакой, и из-за сильного напряжения её мозг расплавился". Он решил последить за происходящим из своего кабинета, но проверять оставшихся жителей не решался. Шли минуты, яблоко было съедено. Судя по данным, которые были представлены на левом мониторе, это был подающий надежды инженер, маркетолог, программист, дизайнер, да и в целом гений, внёсший огромный вклад в развитие человеческих технологий, его спектр деятельности поражает воображение, ведь он не упускал ни шанса на саморазвитие. Френк Бернан. Смотритель усмехнулся. Даже таким нашлось место в Секторе 12.01.

Но вдруг он уловил крайне неприятный запах, который начал постепенно усиливаться.

– Хм, воздух загрязняется. Я вчера забыл сходить к системе вентиляции, чтобы прочистить её. Нужно сделать это через десять минут.

Но вдруг на правом мониторе жителей стало на одного меньше – его планам не суждено сбыться.

– Странно. За последние 3 года моей работы такого не происходило. Ещё никого не убивала электростимуляция.

Он стал рыться в ящиках стола, за которым сидел, но ничего полезного в этой ситуации не нашёл. Тогда он полез в шкаф, стоявший в другом углу кабинета. Там он нашёл "сводку о чрезвычайных ситуациях". Он взял этот журнальчик страниц на пять, отнёс к своему столу, на котором стояла лампа, положил и начал читать. В журнале было очень много старинной рекламы, не понятно для кого вставленной, а в самом низу второй страницы он прочитал следующее:

Существует три типа чрезвычайных ситуаций: красного, синего и зелёного. Он перевернул страницу. Для исправления ЧС зелёного типа зачастую хватает и сил самого зрителя. К зелёному типу относятся нехватка еды, воды, воздуха, а также какие-либо психологические поломки в голове Смотрителя. Он усмехнулся. ЧС синего типа исправить в одиночку удастся лишь в том случае, если Смотритель достаточно ловок или хитёр. К ЧС синего типа относятся какие-либо нападения на сектор любых живых существ. Красный тип – самый сложный в исправлении. К нему относятся поломки оборудования, например, самих капсул жителей, или аппаратуры в кабинете зрителя.

– И как же бороться с поломками?

Вдруг он начал улавливать тихий писк, который изначально он даже не замечал. Странный звук издавал динамик правого монитора. В левом нижнем углу монитора загорелся индикатор, о существовании которого Смотритель даже не догадывался. Некая биоформа находится вне капсулы в одной

из комнат. Либо посторонний, либо выбравшийся. Такого в практике этого Смотрителя никогда не случилось. Впрочем, никто не запрещает просто отрубить всякое жизнеобеспечение в той комнате, да и людей там было меньше всего. Он не стал этого делать и просто стал ждать, но не ясно, чего именно. Спасения, жизни, гибели? Глупо идти на контакт с неведомо чем в одиночку. Но это существо, излучающее тепло, улавливаемое приборами, не двигалось, а признаков жизни почти не было – одни лишь попытки к движению.

– Точно выбравшийся, но как это произошло, если все капсулы намертво закрыты? Ни один человек, проводивший в состоянии покоя годы, не может проломить капсулу. Человеку пришлось бы заново учиться руками махать, не то что ходить. Я лично видел, как они, подопытные, мучительно передвигались. Некоторые не выдерживали эту боль и ночью выпивали смертельную дозу снотворного. Ни одного даже не собирались откачивать, ведь понимали, как им тяжело. Впрочем, я мог видеть не всех, наверняка же кому-то повезло с физиологией и им было не столь же больно. Впрочем, мне не понятно, совершенство ли это или несовершенство техники, предусмотрены ли мучения, чтобы они быстрее проснулись.

Постепенно эта сигнатура в комнате 750 начала обрастать теплом и движением.

– Он ходит кругами, будто бы кого-то ищет, а я не могу этого допустить. Человек – общественное животное, но в се-

бе эти порывы к общению я подавил. А уж если они все выберутся наружу, то весь Сектор будет уничтожен, я уверен... Ведь они уничтожат меня за то, что я просто смотрю и не пытаюсь им помочь. Перехитрить их уже не получится.

Его рука потянулась к синей кнопке на стене слева, которая была ниже жёлтой. Выкатилась клавиатура прямо из стены. Ему нужно набрать номер комнаты, которую следует уничтожить. Он ещё раз посмотрел на карту биоформ. В комнате 750 было пусто и ничего, кроме людей в капсулах, тепло не издавало. Смотритель в спешке стал пролистывать каждую камеру поблизости, но ничего не обнаружил. Он стал прислушиваться. Никаких посторонних звуков, кроме тихого писка монитора. Он резко подбежал к двери и закрыл её намертво, нажав на кнопку. Вернувшись к столу, он стал листать карту дальше и наткнулся на комнату ноль-ноль-ноль. Кабинет Смотрителя. В любой момент он может отключить себе жизнеобеспечение и почти безболезненно прекратить эти мучения. Это его насторожило. Он начал искать информацию по своему сектору в различных бумагах с отчётами и наткнулся на бумажную карту всего сектора. Ровно такой, каким он его запомнил с цифровых карт. Но были на этой бумажной карте знаки, непонятные ему. Например, значок черепа стрелками указывал на все 8 отсеков с комнатами, а начинаются они именно в его кабинете. Зато в кабинет смотрителя переходил и другой значок. Знак паука, который раскинул свои лапы на все помещения и комна-

ту ноль-ноль-один. Внизу карты были заметки по некоторым из знаков, самым сложным в понимании. Одним из таких был паук. Было написано следующее: “дабы Смотритель в случае бунта имел шанс избавиться от нарастающей опасности его жизни или жизни всего сектора, в комнате ноль-ноль-один отведена панель управления для отключения кабинета Смотрителя от общей сети, дабы никто не мог туда пробраться, а также для отключения жизнеобеспечения в конкретном помещении сектора, но не более одного раза в час”.

– Сбежавший мог направиться туда, хотя не факт вообще, что он что-то знает об этой панели управления... кто же такой важный для существования всего Сектора элемент располагает в такой близости к возможным сбегающим?

Он никогда до этой поры не чувствовал себя столь беспомощным. В кабинете не осталось ничего съестного, а воздух начал всё сильнее загрязняться. Он сможет просидеть в кабинете не более пары часов, пока грязь наружного мира окончательно его не прикончит. Он подошёл к двери и открыл её. Осмотревшись и никого не найдя, он отправился в комнату ноль-ноль-один, которая была в десяти шагах от его кабинета. Он до конца не понимал, что будет там делать. Но он хотел удостовериться, что никто не сможет уничтожить целый сектор с тысячами жизней... кроме него. Он вошёл в это помещение и яркий свет озарил его. Смотритель редко выбирался из своего кабинета, разве что только для того, чтобы проверить систему вентиляции, без которой

он, да и весь сектор вместе с ним, погибнет. Но размышления о собственной важности прервал топот ходьбы в коридоре. Топот, ознаменовавший многое. Смотритель, много лет проводивший своё время вне общества, останется один на один с одним из, по сути своей, подопытных, за которым он следил. Смерть Смотрителя могла означать неконтролируемую жизнь всего сектора, а значит смерть остатков человечества, чего он уж никак не хотел допустить... скорее всего. Но только полное обеззараживание Сектора от раковой опухоли Земли – человека – может оставить надежду планете на спокойное восстановление, а человеку – окончательное его вымирание, пусть все инструкции и твердят, что подобное нужно делать лишь в крайнем случае, а именно – при объединении в общество. Но это и был крайний случай, ведь сбежавший в любой момент мог открыть другие капсулы и пойти на Смотрителя войной. Он потянулся к панели управления, чтобы окончательно и бесповоротно закрыть дверь своего кабинета и запереть всех подопытных в своих капсулах. Также будут закрыты двери, которые установлены в коридоре на каждом двадцатом метре. Но не успел он открыть крышку, закрывающую панель, как в комнату ворвался подопытный, вооружённый невесть где взятым куском трубы.

– Только попробуй это сделать! Я тебе мозги вышибу! – прокричал сбежавший.

– Это животное всё ещё умеет разговаривать? – подумал Смотритель. – Как странно, многие связать и пары слов не

могли, а тут целые осмысленные предложения.

Смотритель отбежал к одной из капсул, но не успев даже отодрать хоть какое-то оружие, получил по голове трубой. Сбежавший отправился в кабинет Смотрителя, предварительно разломав панель управления в ноль-ноль-один...

– ...дабы этот преступник не мог дальше обманывать и убивать людей. – Думал он, пока шёл к кабинету, будто бы ходил по этим бесконечным коридорам раньше. – Даже не знаю, насколько глубоко он вжился в свою новообретённую роль Смотрителя, этот «инженер, маркетолог, программист, дизайнер, да и в целом гений» – те слова, что выведены были моей рукой. Я и подумать не мог, что великие люди, творящие историю своими возвышенными деяниями, способны на преступления; что же, мне довелось прочувствовать себя глупцом, а ему провонять феромонами греха... Интересно, восстал бы против меня и всего мира кто-нибудь другой, назови я его великим? – Ему пришлось оборвать свои размышления, ведь он-таки добрался до немного изменившегося с его последнего посещения помещения: стол оказался сильно поцарапан., мониторы светили гораздо тусклее, чем должны были, какая-то коробка с бумажками и картой, которую он изрисовал паучками и черепками от нечего делать.

Рядом с мониторами он увидел заветную жёлтую кнопку, способную уничтожить всё живое. Он начал удерживать её в течение десяти секунд, на протяжении которых громко ревели тревога. В кабинет зашёл сам Смотритель, услыхавший

шум своей скорой кончины.

– Ты же уничтожишь весь сектор, глупец! – Залился криками Смотритель, пытаясь стать громче Смерти, которая совсем недавно начала наигрывать свою любимую мелодию. – Только я могу это сделать!

– Я не уничтожаю. Я спасаю этот сектор от мучений, причиняемых подобными тебе.

На ярком мониторе стали гаснуть признаки жизни у людей в капсулах. Их воображаемые мирки были уничтожены в мгновение ока, почти никто и осознать свою смерть не успел. Десятки... Сотни... Тысячи трупов в капсулах. А ведь они должны были начать новую эру жизни человечества. Эру безграничной мощи сознания. Смотритель и сбежавший билась в конвульсиях ещё какое-то время из-за нехватки кислорода, у них были кое-какие силы, чтобы своими же руками прикончить друг друга, но в том не было надобности: Смерть давно наблюдала за ними. Эти винтики мёртвого механизма, умершей системы мешали друг другу. Сектор 12.01 пал под натиском одного единственного человека. 74923 жителя отныне мертво.

2 глава. Мертвая радость.

Даже у счастья бывает предел.

Мир – вполне себе осязаемая вещь, хоть у каждого он и свой. Мир, управляемый всеми. Мир воспоминаний. Мир без смертей. Радость от собственного тления, подобно огоньку. Для кого-то мир – отсутствие войны, но для других он наступает лишь в полном блаженстве. Но о каком блаженстве в блаженном сне может идти речь?

Человек, осознающий свою печаль. Куда он пойдёт? Уж точно не в Гледжен. Город плясок и всеобъемлющей радости, здесь нет места кислым лицам, но стоит только Френку заглянуть в переулок, как краски тускнеют, радость пропадает, наступают одни лишь апатия и мелкая нервозность.

Френк редко выходил за пределы Гледжена, а уж к самой Тропе Границ он никогда не приближался, ведь всё там такое странное, будто живое, но на самом деле – это лишь иллюзии. Весь быт иллюзорен и бесстрастен. Зачем он в очередной день тащит бремя своей жизни? Зачем он пытается барахтаться в сознании, плыть ближе к ключу своей жизни, если на дне его ждёт лучший подарок – безмятежное счастье смерти? Впрочем, только ему писать сценарий собственной жизни, но сможет ли он воплотить его?

Он решил отправиться на некий фестиваль пробуждения, что расположен был на некотором отдалении от города, там

он никогда не был, но стоит заглянуть. На табличке у входа красуется надпись: "Тысяча двести первый фестиваль пробуждения объявляется открытым". Бернан приблизился ко входу, но всё вновь помрачнело и потеряло краски. От счастливых криков на фестивале осталась одна лишь боль, а люди, некогда ходящие там, преобразовались в невесть что, благо, такие помутнения происходят редко и ненадолго, он не привыкнет к этим аморфным псевдосмыслам подсознания.

И вот Френк осмотрелся и увидел довольно приятную картину: разноцветные вывески, асфальт с лужами в некоторых местах, множество палаток, прекрасный рассвет вдали. Всё это нагоняло приятные ощущения, но фантомная грязь напрягала его сильнее всего.

Забавно, что даже в Гледжене такого не было, либо все странности он просто не замечал, впрочем, был повод не замечать, ведь даже ночью этот огромный город не засыпает. Покрытый неонами и технологиями, в нём заснуть было негде из-за непрекращающегося развития одних и деградации других. Некоторые сходили с ума от невозможности уснуть в таком городе, а другие переезжали ближе к Тропе Границ, что было лучше лишь отчасти, ведь не всем удавалось защитить себя от самих себя. Тропа Границ своего сознания. Именно здесь люди находят себя, и именно здесь их внутреннее "я" погибает. "Я" всего. Их физическая оболочка может и не пострадать, но психологические повреждения наносит самый страшный монстр всего Времени – человечество. От разума

людей падёт сам человек.

Впрочем, даже у этого города есть свои плюсы. Технологичность Гледжена поражает воображение: человек с ранее ограниченными возможностями может дать фору всем здоровым, ведь имплантаты, разработанные в этом городе, способны творить чудеса не только с телом, но и с разумом. Силу технологий никто не отменял, а уж мощь искусственно-го интеллекта, совмещённого с интеллектом искусства, ещё никто не превозмог.

К Френку подошёл человек в плаще и капюшоне, из-за чего определить возраст или хотя бы пол было нельзя, а голос оказался настолько прерывающимся и перепрыгивающим с низкого на высокий тон и обратно, что даже по нему определить невозможно, кто это или что это настигло Бернана. Но ведь он ещё жив, а значит, что это существо не столь опасно, как предполагалось ранее, тем не менее оно может быть опасно не столько для Френка, сколько для его параноидальной души, ведь даже малейшая или мнимая опасность способны побить его боевой и не только дух. Он может лишиться рассудка, пытаясь защитить один фланг и забыв о другом. Забыв о фланге жизни, он защищает границы возможной Смерти, дабы не оказаться у её ног и не пустить эту эпидемию ближе к столице – Сердцу-и-Разуму.

Это задало Френку странный вопрос, смутивший его:

– Как ты относишься к Смотрителям?

– Моё отношение к ним скорее положительно, – ответил с

ярко выраженным недоверием на лице Френк, – ведь я убеждён, что они будут защищать людей и помогать им на их тернистом пути.

– Глупо считать, что лучшие убийцы своего времени станут давать жизнь людям.

– Я слышал о подобном мнении раньше, но всё же уверен, что из них убийцы, как из самого меня Смотритель. Нельзя разбрасываться такими громкими изречениями, не зная правды. Они не будут посажены в капсулы, дабы следить за нами, обычными людьми. Они ведь жертвуют собой ради нас и будущего всего человечества!

– А в итоге в капсулах останутся одни лишь трупы, потому что за такой огромной системой проследить одному человеку не удастся. – Оно вздохнуло – Ответь мне на ещё один вопрос: каков путь у человека, навсегда запертого в капсуле? Каков смысл пребывания в ней?

– Я думаю, что человека такой путь, – Френк немного дёрнулся, – приведёт в Бездну.

– И то верно. Меня радует, что твой разум не сильно затуманился после многих лет пребывания здесь. Я ещё вернусь сюда, чтобы проведать тебя, надеясь на улучшения.

Нечто ушло, а Френк остался наедине со своими мыслями, хотя когда он их последний раз покидал? В этом мире одни только мысли способны не просто развлечь человека, но и дать ему его заслуженную свободу во всём: свободу размышлять о вечном, свободу творить невозможное. Кто

мешает человеку стать не просто мыслителем, придумывающим интересные идеи, но творцом, реализующим их? Мыслительный барьер преодолеть физически крайне сложно, но создание гибрида человека и машины воплотит в жизнь мечты многих утопийцев и мечтателей, жаждущих из человека сотворить Бога.

Френк отправился к той части фестиваля, которая посвящена различным технологиям, которые либо находятся на стадии сбора необходимых инструментов – денег в частности, хотя человек также относится к инструментам; либо на этапе поиска некоторой схемы создания, либо на ступени самой реализации. Впрочем, всё что угодно можно сделать за эти три этапа: от бизнес-плана до убийства, хотя проблема первого в том, что схема в них уже присутствует, а потому разбогатеть на том же самом уже, скорее всего, не выйдет.

Технологичность этой части фестиваля поражает воображение. Здесь не просто роботы, какие-то там лекарства от всех болезней, это ведь прошлый, всего лишь информационный век, а сейчас – технологический. Только сейчас можно найти огромное количество разных диковинок, но сильнее всего поражает аппарат, решивший одну из глобальных проблем, название которого – “ДеИн”, он возвышается над всей остальной техникой метра на три, а название происходит от проблем, одну из которых эта машина решила, а другую только должна была в планах.

– ДеИн спас человека от информационной проблемы. –

Начал вдруг проводник фестиваля. – Итак, информационная проблема. – Сказал он это тихо и медленно, но затем ускорился. – Главная проблема технологического века, страдают то от недостатка, то от её избытка, а вся необходимая информация уже давно собрана, все мыслители свою работу выполнили, осталось напрячь деятелей, чтобы и они занялись делом во славу своей религии – человека. Этот аппарат фильтрует её всю по следующему принципу: каждому человеку встраивается в мозг некоторое устройство, которое не даёт ей – информации – пробиться в мозг, благодаря чему можно даже спать при ярком свете. Теперь не важно, откуда поступает информация, ведь человек заранее сам решает, хочет он её сейчас воспринимать или нет. Информация делилась на множество различных типов, видов, классов, например, конкретные люди, события, яркий свет и так далее. По сути, все люди были соединены в одну огромную сеть с помощью этого устройства, хотя только для ДеИн'а, люди связи друг с другом не заметили. Умная планета, умное человечество.

Только благодаря огромному количеству мыслителей двадцать первого века, общее число которых можно сравнить, наверно, со всей историей, двадцать второй век и состоялся, став технологическим. Если бы мыслителей было меньше, если б двадцать первый век не оправдал своё название, то не факт, что мы бы сейчас процветали. С иной стороны, мыслители и деятели ненавидят друг друга с не столь давних пор. Мыслителей за их ум, за их якобы бездействие и,

что забавно, мысли. А деятелей за их способности, за их действия и, что забавно, деятельность. Лишь немногие нормально относились друг к другу, не смотря на всеобщую ненависть. Именно такие скопления людей сотворили лучшие из устройств этого века. Правда, со временем и они рассорились, а авторские права так и не были установлены, под так называемое правило "ста одиннадцати долларов" сложно было подставить эту ситуацию, возможно, из-за устаревшей формулировки. Впрочем, такие распри наблюдались не всегда, после "Волнений сто второго года", – цвета потускнели, проводник немного потерял свою изначальную форму, – они начали корить друг друга за всё подряд, в том числе за содействие монстру. В общем, отношения их с тех пор накалены... Ещё примечательно в этом устройстве следующее: любую настройку этого устройства можно сделать за пару секунд, благодаря доработанной старой технологии по чтению и конвертации мыслей в цифру из первой четверти двадцать первого века.

На фоне постоянных распрей сотни тысяч людей отправились к звёздам налаживать контакт с другими расами, что многим правителям не нравилось, но такова цена технологий. Забавно то, что некоторые страны организовывали различные мероприятия, улучшали уровень жизни и делали много других полезных для всех вещей, чтобы вернуть на Землю уже улетевших людей. Но, к сожалению, или к счастью, вернулась всего пара сотен человек из нескольких

сотен тысяч зарегистрированных, половина из которых всё равно улетела обратно, дабы покорять бесконечные просторы космоса, а ещё где-то полтысячи было несанкционированных вылетов за пределы Земли и Солнечной Системы в целом, а потому не понятно, сколько людей на тех кораблях выбрались с Земли...

Но что на счёт демографической проблемы? ДеИн в какой-то момент попытался избавиться от тех людей, которые не пользовались подаренной самим ДеИн'ом технологией – фильтрацией информации, попытавшись решить тем самым важную, по его программному мнению, демографическую проблему, что очень быстро вскрылось не только самими создателями, но и обычными людьми, семя страха перед этой машиной возшло в сердца большинства. В память об этом его создатели вместо “Ин” назвали машину “ДеИн” и отключили её. В итоге пришлось создать новое более маленькое устройство на основе старого и назвать его просто Ин 2.0. Некоторые в шутку называли это устройство “НеДе”. Именно Ин 2.0 помог людям заметить надвигающуюся угрозу.

В итоге нельзя не заметить, что это устройство спасло человечество от главнейшей проблемы двадцать второго века.

Френк держал одну мысль почти половину выступления этого рассказчика, но не хотел его перебивать. – Сейчас же огромные города, а не страны. – Всё резко потускнело и поблекло, проводник замялся и ушёл за угол, где явно раство-

рился во тьме. Краски вернулись лишь через несколько минут.

Френк решил отправиться к магазинчику на краю фестиваля, чтобы купить немного воды и сувенирчик на память.

Бернан зашёл в магазинчик и увидел множество разных игрушек, давно утративших свой цвет. Большие и маленькие, им не уступать в своей ущербности Френку. Они игрушки, он марионетка, все выступают в итоге в одном театре.

– Приветствую, меня зовут Будимир. – Начал было продавец. – Чего изволите?

– Мне бы купить немного воды, чтобы горло промочить, – Ответил Френк.

– Вода полезна лишь в определённых количествах. Не захлебнёшься?

– Я захлебнусь только тогда, когда меня скинут в глубочайший водоём, – Всё резко потускнело ещё сильнее, – и заставят в нём бултыхаться остаток жизни, а до того момента моей жизни ничего не угрожает.

– Похвально, что ты бережёшь свою жизнь, хоть и совсем в незначительной манере. Сколь долго ты планируешь оставаться на фестивале?

– Я только пришёл сюда, поэтому хочу ещё многое увидеть, хотя ДеИн точно уже ничто не переплюнет. Он спас землян от главной проблемы этого века и конца прошлого, пусть и не совсем гуманно хотел справиться с другой, ведь ДеИн не знает о морали как таковой.

– А нужна ли была мораль ему вообще? Не устарело ли это понятие?

– Я не могу точно сказать, но думаю, что демографическую проблему можно было бы решить иначе, с не настолько плачевными последствиями, если бы мораль У ДеИн'а была.

– Мораль устарела, так как она способна разрушить сознание наиспокойнейших людей, из-за неё могут пасть города. Моралью пользуются те, кто хочет кем-то управлять, но времена безоговорочной веры в кого- или что-либо уже прошли, поэтому ДеИн'у нужно было дать возможность уничтожить часть людей и за это благодарить, а его создателей и концепторов конца двадцать первого – начала двадцать второго веков боготворить.

– Мне жаль, что я не могу проникнуться историческими деятелями. Я осознаю их вклад, точнее знаю, что он есть, понимаю их ценность для человечества, да и для себя тоже, но чувствовать какую-то эйфорию от их существования не в состоянии. Я просто рад их присутствию на временной линии, их изобретениям и концептам, но прочувствовать всю их значимость не в силах.

– Осознание лучше невежества. Сам факт того, что ты понимаешь сколь огромен вклад предков человечества, уже похвален.

Они немного помолчали.

– Я считаю, что сила сейчас нужна гораздо меньше, ведь техника всё сильнее замещает тяжёлый людской труд, им-

плантаты искореняют старые проблемы со здоровьем, но машины всё равно не смогут заменить человеческое воображение, ведь они способны лишь действовать в схожей с мыслителями и деятелями манере, но не создавать новое.

– Очень консервативное мышление Небога и непрограммиста. Отчасти да, человеческая сила утрачивает свою ценность, но это не значит, что теперь можно что-либо делать на автопилоте. Сам человек не утратит свою ценность никогда, его мощь со временем будет только расти, он научится двигать вселенные и взрывать звёзды. Но всё-таки, что есть сила? Можно ли одной лишь грубой силой добиться цели? Можно, но получится ли это в следующий раз? Уже не факт. Бог и могущество. Сопоставимые ли понятия? Способна ли божественная дума сотворить один мирок и без сожаления уничтожить другой? Бог. Сколько всего вкладывается в это понятие. Сколько мощи можно услышать в этом буквосочетании. Но Бог – кукловод. Он не просто управляет своими последователями, он порабощает их, дабы пустить их в расход. Может именно поэтому еретики-атеисты умнее уверовавших? Они не поддаются козням высшего существа, способного по щелчку пальцев сотворить жизнь на лице умирающего и смерть под ногами миллионов. Божественная мощь безгранична, но этой безграничной границы лишь единица, когда как людей миллиарды. Один неверный шаг и Бог падёт. И тогда одна ночь сменится бесконечной непроглядной тьмой. Один злодей сменится семью миллиардами.

Только в руках одного лишь Бога может быть сосредоточена вся власть, необходимая ему. Пост Бога займёт сам человек. Именно это и есть падение Человечества в яму, о которой трезвонили раньше: становление богами, превзойдя Первого Бога в ущербности.

– Тогда откуда и зачем власть Богу? Неужели жажда власти правит не одним миром, а всей Вселенной? Неужели Бог стал правителем только потому, что он был первым, что “В начале было Слово”?

– Вполне возможно, что Бог не способен уничтожить то, что создал. Многие люди не верят ни в Бога, ни Богу. И вот ведь – отличный момент, чтобы начать все сначала или хотя бы отдалить на несколько веков всё назад, дабы предотвратить эту ошибку. Но этого не происходит. Возможно, мы бы это запомнили и тогда не было бы смысла делать это ещё раз, ведь второго раза от рук самого Бога могло бы и не быть, история пошла бы по другому пути. По пути с Богом, но против него. И тогда Бог окажется беспомощен. Ему не хватит его власти, дабы совладать с миллиардами таких же безграничных, хотя и не опытных властей.

– Я сомневаюсь, что Бог только про силу. Может, он владеет умственным искусством, непостижимым человеческому сознанию? Быть может, один божественный тактический манёвр не сравнится с миллиардами ходов самых опытных человеческих полководцев в своей изящности и стремительности?

– Могущество на своей арене не даст Богу ни шанса на победу против многомиллиардной армии таких же богов. Создания погубят своего творца. Но это не отменяет того факта, что люди не способны объединяться. Даже если кто-то и станет Богом, то наделять этой мощью большую часть людей бессмысленно. Мы не можем на своей планетке ужиться, а я возомнил, что сможем жить в мире во вселенной. Мы её не поделим поровну и не будем сидеть в своём куске. Мы снова опустимся до простых человеческих распрей. Мы вновь начнём уничтожать друг друга за мнимые награды или удовольствия, но тогда под угрозой будет вся вселенная. Быть Богом – не значит быть всепонимающим. Быть Богом – значит быть всемогущим.

– Мне тогда интересно, способен ли этот всемогущий Бог создать камень, который он не сможет поднять?

– Бог, место которого займут люди, настолько всемогущ, что может создать камень, который никто не в силах поднять, но как только он захочет – поднимет его. Бог настолько всемогущ, что способен создать камень, находящийся в двух состояниях одновременно: с возможностью и невозможностью его поднять.

– По мне так это софизм, а уж никак не доказательство всемогущества Бога.

– Каков вопрос, таков и ответ.

Не исключено, что Бог утратил своё всемогущество, сдерживая свои создания от непрекращающегося развития. Ес-

ли бы он не вмешивался, то о Боге бы и речи могло не заходить, его присутствие стало скорее бы утопией, чем реальностью. Бог стал бы очередной сказкой или даже страшилкой. За своё нетерпение ему придётся заплатить своей силой и даже жизнью. Это ставит под сомнение его божественное всепонимание.

– Я всё же уверен, что интеллекта ему не занимать. Нынешний Бог может быть и не самым всемогущим, но самым умным, ведь иначе бы он не занял свой пост. Только когда люди добьются безграничных возможностей своего сознания, тогда они и станут богами... Хотя мне кажется, что в цепи “Мозг – сознание” потеряно звено. Именно от работоспособности мозга зависит, подниму ли я руку вверх. Но я хочу поднять эту руку, и я её поднимаю. Почему создатель – мозг, от деятельности которого в качестве побочного эффекта и образуется сознание, – управляется симптомом своей деятельности? Почему творение управляет творцом?

– Человек на пути к всепониманию и всеосознанию. Неизвестно, когда наступит момент поражения Бога, через одну – десять – миллиард – триллион человеческих жизней, но ясно одно: он уже проиграл эту войну. Войну с разумом. А что касается этого звена, то сознание и мозг поначалу так враждуют и не принимают друг друга. Но чем сильнее мозг развит, тем лучше он понимает, что сознание не нужно ограничивать своим барьером, который мешает, как ты выразился, побочному эффекту достаточно влиять на мир. Будет за-

бавно, если достаточно развитый мозг в итоге предаст, избавится от своего порождения, поблагодарив его напоследок прощальным отключением от своей мозговой сети. Хотя и без того мозг часто обманывает и предаёт своего носителя, нередко поддаваясь иллюзиям и обманам зрения. Впрочем, нет никакой гарантии, что прямо сейчас твой мозг не стимулируется электродами или чем-то схожим. Я могу быть всего лишь плодом твоего воображения... или ты моим.

Припомнив последние ... минут, поразмыслив о всём, что он видел последние несколько, как он думал, лет, он-таки начал догадываться о странных, возможно страшных происшествиях, предшествовавших всей этой фальши столь счастливого мира.

Френк думал когда-то, примерно тысячи лет назад, было у него такое ощущение, что же может осчастливить мир. Агресс? Кому он нужен, этот общественный строй с его обществом баланса, в реализации которых он, Френк, принимал непосредственное участие? Какова цена счастья, этого ослабляющего и обличающего растения, прорастающего в саду немногих сердец? Века мучений сменяются счастьем; после столетий силы начинается слабость, после которой вновь происходит приспособление к опасностям и трудностям. Так было раньше, так будет и впредь, но для всего нужно время, у людей же, выбравшихся из капсул, его не окажется, они не сумеют приспособиться к концентрированной ненависти, сочащейся отовсюду.

Собрав толику сил в груди, он сказал с неприятной для него самого уверенностью:

– Я уверен, иллюзия здесь ты. Всё здесь такое реальное, но в то же время такое фальшивое, – Краски тускнеют, появляется неприятный гул, который раньше Френк никогда не слышал. – Кажется, что я пробыл здесь уже много десятков, сотен, тысяч лет, но уверен, что помню свою смерть, как мне кажется, но это не рай, а всего лишь прекрасный сон. Я точно знаю, где я реально нахожусь, но при этом понимаю, что это не мои воспоминания. Зачем создавать настолько прекрасный мир, если реальный постоянно пытается разорить силы, делая сильнее в конечном итоге? Люди забывают здесь о всех ужасах реальности, и, вновь попав в неё, сходят с ума. Может и нужно было отсечь всех слабых, но от нескольких миллиардов – и то если все люди действительно попали в капсулы, а не бросили нас на дороге к звёздам – в итоге останутся лишь сотни, десятки миллионов, если не меньше. Капсуляризация не принесла результатов, о таком исходе предупреждали почти все, от простого люда до специалистов. Технология не была доведена до совершенства, из-за чего из капсул можно сбежать. Но что здесь делаю я? Я не Френк, но даже не помню своего настоящего имени, – Всё вокруг погружается во мрак, громко гудит и разрушается. – Что же я делаю в этой капсуле? Почему именно я, а не Смотритель в ней? Я помню, какие же эти Смотрители монстры.

– Ты и не сможешь вспомнить имя, потому что ты и есть

Смотритель! У таких его НЕТ!!! – И только то странное существо следило за их диалогом через окно; если бы его отсутствующее лицо могло отражать эмоции, то на нём бы красовалась удовлетворительная улыбка вместе с распахнутыми блестящими серыми глазами, но Френк, если это Френк, не видел это существо каким бы то ни было зрением, а значит этого плода его размышлений – блеклой тени его желания проснуться и возненавидеть Смотрителей, и самого себя в частности, за всё то, что приходится переживать подопытным – не существует вовсе.

Бывший Смотритель, а ныне получивший чужое имя “Френк”, наконец сможет доказать свою причастность к великому делу по уничтожению надежды на существование в очередном Секторе, но он же Смотритель, что вечно свободен в своих действиях, поэтому ему решать, что делать со своим телом и плотью других в прошлом живых. Ему не потребуется много времени, ведь он обучен выбираться даже из таких сложнейших ситуаций. Он способен уничтожить не только весь сектор, но и себя вместе с ним.

Яркий свет. Темнота. Голод. Страх. Холод. Боль. Смотритель сможет вернуть своё звание себе, отобрав его у очередного сбежавшего величайшего простолюдина, гнев способен пробудить даже самый стойкий разум. Ему потребуется немного времени на восстановление, ведь все самые страшные потрясения он пережил несколько лет назад.

Проектор блеснул своим вниманием. Десница смерти за-

метила пропажу. Тысячи неупокоенных душ всё-таки начнут гнить в капсулах совсем скоро. Всего несколько часов пройдёт, но сколько трупов объявится. От рук одного единственного человека падут воображаемые мирки десятков тысяч людей. История Сектора 12.01 близится к концу.

3 глава. Звериный суд.

Победит ли разум в битве с чувствами?

Земля. Сектор 11.03. Шагающий человек в возрасте двадцати пяти лет идёт в сторону комнаты сто-один, в которой расположен неведомой красоты сад с различными культурами, некоторые из них способны посоревноваться в красоте с чёрными розами, а другие – в съедобности и полезности с фруктами и овощами. Человек этот был спокоен, шагал прямо и уверенно, глаза его зелёные, как и вся эта маленькая оранжерея, нос тонкий и вытянут. Войдя в комнату сто-один, он сразу глянул на яркую лампу, направленную на его творения природы, которые также, как и он, подчиняются её законам. Сад был воистину великолепен, не в каждой оранжерее можно увидеть сочетание красоты цветов и полезности природной пищи.

Рядом с садом, который по размерам был в несколько кубических метров, примерно в центре комнаты, расположился блокнот с двадцатью-восемью листами и ручка со стирающейся пастой прямо на столе. Молодой художник часто рисовал цветы, на двадцати листах только они и были расположены, а свой сектор, в своём представлении, он тоже иногда запечатлял, но всё пространство для рисования закончилось, вследствие чего наступила очередная мучительная пора стирания его произведений искусства. Он перелистал все

рисунки заново, но всё же решил оставить самый изящный в середине блокнота. Совсем недавно, буквально несколько дней назад, он хотел попробовать себя в письме какого-либо рода, но пообещал себе начать, когда листы закончатся, но, как назло, буквально вчера розы показались ему чуть красивее, чем раньше, поэтому он чуть ли не половину листов изрисовал именно ими.

Он не брезговал и записывать свои мысли, создавать иные миры, поражающие хотя бы его своим размахом. Не просто какие-то жалкие вселенные, а мультивселенные. Отчасти его забавлял сам факт того, что жизни его персонажей оборвутся, как только у него закончатся чернила, хотел бы он сам того или нет. Так или иначе, ему это нравится – быть властелином собственных фантазий, ведь только от его расторопности зависят жизни его созданий. Трудно быть Богом? Трудно не сойти с ума от всей этой власти. Он может стереть персонажа из истории – его в итоге будто и не бывало никогда.

Но зачем он все это делает? Его удручала возможность лишиться рассудка или памяти. Он не хотел оказаться в одном ряду с подопытными, откровенно боялся, что в один прекрасный момент сойдёт с ума, и в таком состоянии к нему придёт кто-то из зрителей... если они остались. Но даже несколько лет одиночества не повредили его мозг, он всё также разумен, так ему кажется. В нём действительно не ошиблись, хотя и были кандидаты получше.

В первый же день зритель обошёл весь сектор, вошёл в

каждую комнату, и обнаружил следующее: первые комнаты в каждой сотне, включая ноль-ноль-один, были оборудованы под различные смотрительские нужды, но только в сад он и ходил, в своеобразной современной кузнице не было никакой необходимости, а о назначении остальных помещений он практически сразу забыл.

Смотритель лишь изредка заходил в свой кабинет, но только для того, чтобы посмотреть общую сводку о каждом жителе, левый монитор практически никогда не включался, дабы экономить ограниченную электроэнергию. Кабинет был неинтересен и монотонен, впрочем, как и весь сектор. Белые стены с редкими чёрными украшениями лишь наводили тоску и печаль, дверь была установлена на метр ближе к правому столу с лампой, что коробило юного перфекциониста, а ровно в центре противоположной от входа стены были установлены мониторы со статистикой по жителям.

Он решил, что ему самое время вернуться к своей оранжерее, дабы возратить привычный и рассудительный настрой мыслей, а то и чувств. Да и монотонность, одноцветность стен бесконечных замкнутых коридоров каждый раз начинают действовать на нервы Смотрителя. Он вышел из кабинета, забыв запереть за собой дверь. За спиной шагающего бесшумно мелькнула тень.

Он почти дошёл до комнаты один-ноль-один, или, как ему больше нравилось её называть, сто-один, как он услышал скрипучий звук, который он никогда не слышал вне своего

кабинета. Немного приоткрыв – любой звук его пугал и заставлял нервничать – дверь в оранжерею, он увидел самое страшное: общество. Пусть большая его часть и лежала в мучениях, некоторые спокойно стояли на ногах, а некоторые даже ходили.

– Как они выбрались? – запаниковал Смотритель – Неужели не сработала сигнализация?

В порыве лёгкого стресса он побежал к своему кабинету так быстро, как никогда, но его настигло глубокое разочарование: в кабинете кто-то был. Он начал винить себя за то, что не подготовился к такому и во второй раз.

Такое произошло уже однажды. Кто-то пару лет назад сумел неведомым образом выбраться из капсулы. Около получаса он пролежал на полу, извиваясь от боли. Благо, тихий писк Смотритель услышал сразу же, потому что в тот момент он рисовал у себя в кабинете. Потом сбежавший подошёл к камере рядом и открыл её. Смотритель сразу понял, что разобраться с целой комнатой, а возможно и отсеком, ему не удастся, поэтому он безжалостно отключил всё жизнеобеспечение в том помещении. Жаль, что это была переполненная людьми Комната с сотней жителей, но лучше такое безжалостное убийство, чем социализация, что хуже смерти, как говорили ему.

Смотритель услышал шаги за спиной, он начал паниковать ещё сильнее. Нужно было действовать сиюминутно, ведь они наверняка враждебно к нему настроены, он же сле-

дил за самыми настоящими человеческими лабораторными крысами... Лабораторными людьми. Он резко забежал в кабинет, ударил из-за спины в висок стоящего у мониторов человека и резко закрыл дверь этого помещения. Теперь осталось решить, что делать дальше.

Оглядывая свою новоиспечённую на время тюрьму самым внимательным за последние семь лет взглядом, он понимал, что нет смысла отключать жизнеобеспечение от целых отсеков, потому что кто-то из сбежавших наверняка стоит за дверью, но и ему долго нельзя находиться в кабинете, потому что подопытный без сознания лежит прямо у его ног, а значит, что в любой момент он может очнуться и убить его. Пропитания Смотритель никогда в кабинет не уносил, ел он всегда в саду, одновременно с тем рисуя, поэтому он сможет просидеть в своей хорошо укомплектованной тюрьме не больше недели из-за отсутствия воды.

С иной же стороны, Сбежавшие могут разрушить весь сектор из-за своей сплочённости, поэтому их нужно неким образом остановить как можно быстрее, загнать в угол, как шавок. Смотритель начал осматривать и обхаживать весь кабинет, но не нашёл ничего, кроме пары досок, топора и высокотехнологичных инструментов в довольно скучном, в сравнении с тем, что он видел раньше, старинном, чуть ли не деревянном шкафу, это крайне странное сочетание несочетаемых современности и древности. Тогда ему пришла в голову идеальная мысль: нужно осмотреть лежавшего рядом сбе-

жавшего, ведь наверняка что-нибудь полезное у него есть. Он взял из шкафа топор и доску на случай, если Подопытный проснётся, и подошёл к нему. Зачем он взял доску? – сам опомнился только около тела.

У молодого Смотрителя перехватило дыхание, когда он начал обыскивать чуть ли не труп. Он измерил пульс и ужаснулся: что-то около тридцати пяти ударов в минуту. Он не доктор и не знает, нормально ли это для сна. Неужели он сделал это в очередном припадке гнева, который не был даже замечен? Или это был лишь страх за свою жизнь? До какой же низости может дойти человек, пытающийся выжить. Убить человека, чтобы спасти себя. Он запомнит это до конца жизни также, как и уничтожение целой комнаты с людьми парой нажатий на кнопки, а всё из-за страха, страха быть свергнутым, посаженным под суд за свои злодеяния против морали и всего человечества, за несдерживаемые эмоции, за свою слабость, за которую ему самому стыдно, он уже готов самолично решить свою судьбу, отсекав себе голову этим топором, очень старым, таких давно не делают.

У него случился второй за всю жизнь приступ некоей болезни: помутнение в глазах, слабость, боль во всём теле; десятки ударов по двери в секунду, почти неразличимые из-за выкриков о возмездии, лишь усугубляют положение. Столько всего он резко вспомнил, столько вины на себя взял.

Вдруг случилась тишина, полюбившаяся ему в какой-то момент, но возненавидимая теперь, лишь дыхания двух, как

ему кажется, врагов прерывают её. Спустя пару мгновений дверь оказалась проломлена, ему самому не понятно, как они смогли это сделать, а через дыру в ней зашло несколько человек. Увидев своего человека и сидевшего над ним Смотрителя почти обнимавшего его по сути без оружия, хоть рядом и лежал топор, они в значительной степени удивились, ведь он должен был при первой же возможности убить сбежавшего или хотя бы не идти с ним на контакт, а тут такое.

– Похоже, – начал вещать один из сбежавших, – найденный отчёт об уже давно мёртвой комнате либо соврал, либо Смотритель успел измениться с того момента. А ты как считаешь, Андрей?

– На нашем... сбежавшем. – Запнулся было Андрей, чтобы не выдавать хотя бы имя этого лежащего на руках Смотрителя человека. – Есть след от крови прямо на виске. Смотритель либо напал и испугался кары, либо у него случился припадок. От семи лет в одиночном заточении никто не сохранит здравый рассудок.

Они схватили за руки Смотрителя и повели его на выход.

– Кстати, я нашёл его дневник с рисунками в сто-один. Он рисовал много, но крайне небрежно. – Заметил Андрей. – В 12.09 такое точно не отправишь.

– Бывший Лувр? – Переспросил Максим. – Одна из немногих старых построек, которую лишь усовершенствовали, а не снесли. Старинный дворец, а после музей. Повезло тому, кто там правит.

Эти двое вынесли Смотрителя за пределы кабинета.

– Не сказал бы, что прямо повезло. Лувр долгое время стоял без дела и стоял под снос, но потом кому-то пришла в голову идея усовершенствовать эту постройку, а не сносить и строить заново. Проблема в том, что модернизировать начали слишком поздно из-за решения судьбы Лувра, и потому половина Сектора оказалась не пригодной для жизни из-за просочившегося в разные щели не самого лучшего воздуха, скажем так. Другой половине повезло ещё меньше, так как в итоге был отрезан доступ к любому пропитанию. Смотритель не мог выдерживать долго и начинал есть подопытных, вытаскивая одного за другим из капсул. Некоторым он сначала перегрызал гортань, а потом переходил к самой вкусной трапезе – мышцам, которые меньше всего напрягались, за несколько-то недель в капсулах, и именно из-за отсутствия движения коровы всегда были такими вкусными. А других он начинал жрать живьём, сдирая кожу, разжёвывая мясо, обглаживая кости. Жуткое зрелище.

– Воистину, человек – самое жестокое в мире животное.

– И уже единственное.

Они довели уже почти успокоившегося Смотрителя до ноль-ноль-один. В этой комнате собралось очень много людей, были бы трибуны, то все жители сектора и на них бы не поместились все вместе. Смотрителя посадили на колени перед человеком, напоминающим ему судью. Он предстал перед очередным очень гуманным судом, не знающим ни мо-

рали, ни чести, ни справедливости, ведь все хотят только его смерти, огонь в глазах людей только и полыхает для того, чтобы сжечь Смотрителя заживо.

– На судебном заседании каждой стороне даётся право голоса, прервать которое нельзя ни при каких обстоятельствах. – Говорит Макс-судья лет двадцати на вид, с молоточком в руке и в майке на плечах. – Поскольку начал я, я и выдвину обвинения. Вы обвиняетесь в преступлениях против человечества. Вы признаёте свою вину?

Самый неправильный суд, который можно было представить, но Смотритель и не знает, как должно быть правильно, на реальных заседаниях он никогда не присутствовал. В любом случае, битва началась. Словесная перепалка, пьяная утеха, человеконенавистническая борьба – названий много, суть одна. Все мы ненавидим друг друга, но эти же все это скрывают. Ненавидеть можно за всё, что угодно: глаза, рот, внешность в целом; отношение к жизни, силу воли, весь характер и мнения этого человека. Ненавидеть-то можно, но получишь ли ты в итоге удовольствие от этого? Редко злоба может творить положительные эмоции. Пусть ненависть и отравляет человека, она придает отчасти тех самых сил, которые могут помочь в экстренной ситуации. Если бы не своя эмоциональная нестабильность, возможно, 11.03 уже не встал бы перед подобным судом, который хочет разве что разорвать его на части, потому что он не терял бы чёткость ума, а всех этих сбежавших тут и не оказалось бы, либо он

мог пасть от руки любого из Подопытных гораздо раньше, а уж многие из них хотели бы с ним поквитаться.

– Моя вина лишь в том, – Начал Смотритель. – Что я не истребил вас всех, оставив при этом лишь сто-один и свой кабинет. Тогда было бы гораздо проще нам всем. – Весь зал загудел неодобрительными звуками. – В действительности же моей вины перед лабораторными крысами нет и быть не может. Изучение и стимуляция ваших мозгов была вынужденной мерой по созданию идеального мира на нашей с вами планете, смысла от которой больше нет, потому что Земля теперь непригодна для жизни из-за человечества... Вы не сможете продержаться и месяца без меня, так как слишком неопытны для выживания в таких условиях, здесь очень многое построено на технологиях, вам неизвестных, в том числе на языке, сотворённом для защиты от вас.

– Зачем уничтожать всё живое в секторе, – начал своё крайне яростное выступление сбежавший – если все вместе мы могли бы прожить гораздо дольше, просто объединившись?

– Ты не понимаешь одну простую вещь: общество утратило свою ценность. Чем больше людей взаимодействует, тем ниже их КПД, а это стало известно более века назад, если не два и не три, именно поэтому вас всех и посадили в капсулы, дабы бесконечно улучшать ваш мозг, а в один прекрасный момент вы бы могли выйти в Новый Мир, полностью запрограммированные на новые свершения, никогда не воюя друг

с другом и, по сути, не взаимодействуя, если того не захочет какая-нибудь правящая элита... которой уже давно нет. Вы могли бы стать, наверно, той самой Новой Расой, которая превзошла бы человечество во всём, мы бы казались вам простыми букашками, но всё разрушено нами самими. Все секторы пали, судя по тому, что никто на связь не выходит. Остался только я, беспомощный и ослабший. У меня не раз был соблазн забраться в одну из пустых капсул последней комнаты, их там много осталось. В итоге я понял одну важную вещь, которая принесла в мою жизнь одно лишь спокойствие: единственный, кто меня поддержит – это мой позвоночник; единственный, кто будет биться за меня до конца – это моё сердце; единственный, кто меня проведёт на неосвещённой тропе ненависти – это мой мозг.

– Но почему же всё-таки нам не объединить усилия всего сектора? Почему не стать единственным процветающим государством на этой планете грязи? Зачем обязательно следовать этим трём догмам физиолога, которые лишь закрывают глаза на правду? В обществе человеку всегда было спокойнее, в нём он становился сильнее и был способен на большее, да и про счастье нельзя умалчивать!

– В-третьих, в обществе человек всегда усреднялся, становился как все. В нём человек дойдёт туда же, куда и все, но в одиночку он сможет пройти неподвластное обществу расстояние, добиться невозможных для общества результатов. Зачем нужны общины самодостаточным и всемо-

гушим, что творят свою судьбу изо дня в день? Зачем Богу не быть одиноким?

– В греческих, египетских и многих других религиях было множество богов.

– Да, но каждый бог отвечал за свою собственную специальность. Зевс – единственный бог неба, грома и молний, ведающий всем миром, у него не было помощников, стоящих с ним на одной ступени; Ра – один во всей египетской религии верховный бог Солнца. Никому не нужны два бога, делающих одно и то же, отвечающих за два одинаковых события. И среди людей это также будет работать: каждый человек будет обладать настолько обширной самодостаточностью, что аж никому не потребуется общество, оно вымрет, исчезнет, как рудимент нашей эволюции, постыдная история, лишь развращавшая нас этой всё нарастающей слабостью... Теперь во-первых, для вашего сплочения не хватит ни продовольствия, ни даже воздуха. Я сам себя с трудом прокармливаю, а вы все сожрёте друг друга уже через пару недель. – Народ снова загудел. – А во-вторых, эти так называемые догмы упрощают мою жизнь, я всегда знаю, что не один, как бы плохо мне не было, да и триллионы клеток в моём организме борются за мою жизнь ежесекундно... В-четвертых, счастье – это болезнь. – Почти весь зал завопил, требуя немедленной смерти неудобного. – Посудите сами. – Продолжал подсудимый. – Именно из-за бесконечного счастья, создаваемого капсулами, многие очень быстро сходят с ума, ведь

практически никто не обладает достаточной силой воли, это раз. Два, если депрессия является болезнью, то почему же и счастье, её противоположность, не может оказаться такой же хворью, если на него точно также влияют различные факторы, вроде экономического благополучия, и обретения любви? Да и само оно тем же самым образом убивает мозг при долгой его работе, ведь, при слишком длительном существовании этой заразы у пациента, он может точно также потерять всякое стремление, вкус жизни. Что за жизнь без стремления избавиться от страданий? Три, не каждый способен быть счастливым изо дня в день, многих ли вы знаете счастливых творцов и пробивающих путь в завтрашний день, а уж я уверен, что они отличаются высоким интеллектом, а потому не значит ли это, что счастье – признак глупости? Четыре, счастье, чаще всего, плохо сказывается на состоянии человека, уничтожает настоящее мировосприятие, в целом вредит здоровью. «Как вредит?», спросите вы. Противоположным депрессии образом. Депрессия разжижает всё светлое, а счастье – всё тёмное. Именно в счастье заключается одна из проблем людей – непонимание происходящего вплоть до знаменательного момента – смерти. И это печально, что люди тратят своё и без того во многом слабое здоровье на извечные переживания, тёмные они или светлые – не важно. Было бы гораздо лучше для всех, если б мы не слезали с деревьев, ведь тогда с Землёй ничего не случилось бы. Очень жаль, что люди осознают свои ошибки слишком поздно. Я

всё же уверен, что необходимо что-то среднее между счастьем и депрессией, иначе человек потеряет себя. В одном случае – от безудержной эйфории, а в другом – от бесконечных слёз... И всё-таки, почему счастье не считается болезнью? С другой стороны, если так произойдёт, то все мы будем больны эмоциями, ведь от генетики не убежишь. Глупо было со стороны... проектировщиков капсул создавать идеальные миры для нас всех, хотя всё это может быть простым побочным эффектом. Я – атеист, а боги рождаются в социуме. Пока существует социум, существуют боги.

– Смотрители редко отличаются схожестью с животными, но ты явное исключение.

Юный Смотритель и не задумывался о том, что он потерял всю человечность, пребывая в заточении. Он винил себя лишь за содеянное, и не более. Он не корил себя за свою трусость, глупость, вспыльчивость или за то, что повредил в себе человека. Он винил лишь свой характер, своё воспитание, свою силу воли, творцом которых ныне является лишь он сам. Сколько ещё раз его новые дружелюбно настроенные враги будут открывать ему его постоянно закрытые глаза? Сколько ещё раз они вскроют ему его душу и покажут внутренности?

Макс прервал суматоху. – Судебный процесс останавливается на несколько часов до выяснения некоторых душевно важных событий. О начале суда мы оповестим вас заранее.

Люди стали собираться и выходить из зала. Макс и Ан-

дрей подошли к Смотрителю и сказали, что ему можно некоторое время походить перед смертной казнью. К нему подошли несколько человек.

– Было время, я думал, будто от меня будет что-то зависеть в этом мире, как же я был наивен, слишком поздно понял, что я ни на что не влияю, как часто и моя собственная жизнь, с чем смириться мне долгое время было не дано. Я потерял слишком большой кусок отведённого мне времени ради борьбы с самим собой... Жалею ли? Думаю, что нет, ведь в конечном итоге я избавился от многолетней депрессии, если она вообще была, в чём я иногда сомневаюсь. Всё, что у меня есть – поблекшие, тёмные, утратившие любые краски воспоминания, по которым только и могу судить о былых днях расцвета этой неприятной болезни... Я нашёл спокойствие и... свободу, столь необходимую мне для дыхания без постоянного чувства удушья именно в рисовании и сотворении бесчисленных миров и историй простых людей в сложнейших ситуациях. Не знаю, читали вы все те записи или нет, но мне особенно нравится история о человеке в схожей со мной ситуации, о Смотрителе, но в ней он-таки утратил рассудок, забравшись в одну из капсул. Удивительно, как хорошо я умею описывать безумие и эмоциональное состояние... Но не об этом сейчас... Зачем я говорю это ненавидящим меня людям? Не знаю. Жаль ли мне, что я согласился отправиться сюда в качестве Смотрителя? Пожалуй, нет. Мне лишь жаль, что все сектора не были оборудованы оди-

наково, чтобы можно было точнее оперировать всеми вами, технологии бы сюда двенадцатых...

– Ты и сам понимаешь, что ты не мог это изменить, как и многое другое. – Сказал Макс. – Все Смотрители, подобные тебе, пошли на эту "работу", потому что разочаровались в человечестве.

Эти слова показались Смотрителю излишне знакомыми, будто он слышал эту фразу сотни раз, но почему это предложение отдаёт в нём таким приятным чувством дежавю? Его начало что-то манить ближе к своему кабинету, будто бы именно там было то, что он искал, но спокойную жизнь ему в любом случае больше никогда не сыскать. Он начал идти, хотя крики Макса о немедленной остановке и продолжались, они – крики – становились всё тише и тише, пока совсем не прекратились. Выйдя из сада, он направился к своему кабинету, будто под гипнозом, и уже ничто не могло ему помешать.

Юный Смотритель открыл дверь в свой кабинет, вошёл, а затем в своём помещении включил мониторы и начал листать последние записи на одном из них. Вдруг он обнаружил то, что манило его последние несколько минут. Запись с камеры видеонаблюдения. Другого сектора. Он включил небольшой отрывок с записью и услышал знакомый по звучанию голос, но совершенно неизвестное лицо. На соседнем мониторе он увидел заметку к этой записи, напечатанную его, как кажется, руками: "из-за короткого улучшения пого-

ды, связь между моим сектором 11.03 и неким 12.01 была на время установлена, но один только Смотритель 12.01 был способен передавать какую-либо информацию из-за моего длительного отсутствия. Позже я пришёл, но из-за своей... слабости отключил вообще возможность с кем-либо связаться." . Слушать запись не было смысла, он уже понимал, что неведомый ранее 12.01 скажет о смотрительской работе и разочаровании в человечестве.

Он чувствовал свою опустошённую душу, он ощущал свою всепоглощающую печаль, свои терзания. Получал ли он удовольствие от того, что совершал? Готов ли он вновь предстать перед судом одних животных против другого – его самого? Боится ли он смерти? А боится ли своей жизни?

Столько людей пало от руки Смотрителя. Совершение убийства окажется ли преступлением и подтверждением того, что он ничем не лучше животных? Если назвать человека животным, то животные окажутся оскорблены подобным сравнением. Убийство другого человека является ли убийством или смерть собственной тяги к жизни, смерть при жизни и есть убийство? А убийство собственного столь прекрасного мира, сотворённого создателем, способным преобразовать самую глупую мысль в неплохую идею? Имя тому создателю – Смотритель.

Он много судов повидал на своём веку, но немного прошедший и всё ещё предстоящий был самым неправильным, а потому не менее суровым, чем остальные. Его могло ждать

всё, что угодно: от отсечения головы, до растерзания толпой. Что его тревожило больше? Его тревожило лишь то, что он покинет этот насиженный мир, в котором он провёл не один десяток лет. Терять привилегии, сдохнув, не совсем резонно.

Убьёт ли он всех при первой же возможности? Возможно и убил бы, а может просто взял бы от них то, чего у самого никогда не было и уже не будет – свободу воли. В теории-то Смотритель может всё, но сможет ли он преодолеть физический барьер человека, который мешает уничтожить всех оставшихся на пути Сбежавших? Сможет ли Смотритель разорвать нить, позволяющую соединить мощь тела и силу разума воедино?

Он вышел из кабинета, прикрыв дверь. Он встретил Андрея и ещё одного сбежавшего. Они начали говорить чуть ли не одновременно, но произносили совершенно разные вещи.

– Суд скоро... – Ты и есть тот Смот... – ...незамедлительно пройти в... – ...Не вижу смысла... – ...что без вас заседание не... – ...так зачем же вам... – ...поэтому идемте с... – ...ненавижу...

Так продолжалось секунд тридцать, пока наложение слов одного и другого друг на друга не прекратилось. Новенький пошёл в сторону Кабинета Смотрителя. Оглянувшись назад и посмотрев на уходящую вглубь распустившую крылья птицу, он услышал глухо упавшую на пол слезу подопытного, затем Смотритель вновь посмотрел вперёд, но Андрея уже не было перед ним. Из-за отсутствия желания идти на верную

смерть, бывший охранник, а ныне заключённый, последовал за уходящим сбежавшим.

Смотритель не раз думал о том, почему он всё ещё следит за всеми этими людьми, хотя давно мог погрузиться в мир счастья? Зачем вершить абстрактное добро, если всё бессмысленно? Зачем помогать, если он всё равно умрёт? Зачем спасти свою душу от терзаний собственного производства, если можно спокойно отправиться на тот свет? У Смерти два назначения: проводить в мир иной и ускорять и без того короткую человеческую жизнь. Но начав дуэль со Смертью не на жизнь, а на смерть, сможет ли человек найти способ одолеть её? Превыше ли достойная жизнь Смерти для умирающего героя, чем собственная? Герой ли Смотритель?

Впрочем, ещё очень много предстоит понять. Даже ему неизвестно, переживёт ли он этот день, преступит ли через себя и не истребит ли случайно половину Сектора вместе с собой.

Зачем он идёт за неведомо кем и за неясно чем? Чего он ожидает от этого пути? Он уже в нескольких метрах от своего кабинета, а уверенность в победе хотя бы над собой так и не появилась. Дверь была приоткрыта. В щели Смотритель увидел того самого Сбежавшего, который сейчас пытается разобраться со смотрительской аппаратурой, смотря в чертежи. Смотритель открыл дверь, чтобы немедленно отправить его в капсулу или, хотя бы, дипломатично внушить желание продолжить получать удовольствие. Услышав скрип не са-

мой тихой двери, бывший Подопытный обернулся в сторону Смотрителя обезумевшими от ужаса и осознания всего глазами.

Он наконец понял, какой зверь ему встретился, какая смертоносящая сущность настигла его. Сколько же злобы и ненависти, страха и отчаяния отражалось на его лице. А он совсем недавно разговаривал с этим животным, не испытывая в тот момент ничего, кроме слабого отвращения к нему, ненависть на язык подвернулась случайно. Раскрытые от безумия карие глаза, приоткрытый рот, взъерошенные чёрные волосы, трясущиеся руки, покрасневшее лицо.

Он резко обернулся и мгновенно нажал жёлтую кнопку, попав в её край и чуть не отбив себе руку. Сбежавший посмотрел на Смотрителя своим презрительным взглядом, способным посадить семя страха и сомнений в каждом человеке, а такой говорит лишь об одном: он понял слишком много для спокойной жизни, поэтому предпочёл отсутствие жизни её присутствию; после чего кабинет резко наполнился отравленным земным воздухом, настолько чёрным и непроглядным, что ни один прибор не сможет уловить чью-либо сигнатуру внутри; клубы грязи буквально набросились на бывшего Подопытного, крик которого может сравниться в скоротечности разве что с обычным испугом от выбежавшей из-за угла собачки, но боль которого сравнится только с ударом атомной бомбы; одно короткое мгновение до смерти, а оно оказалось хуже всей его длинной жизни. Смотрителю

пришлось сразу закрыть дверь, иначе вся эта грязь уничтожила бы его и весь Сектор. Отныне в кабинет не попасть. Смотритель постоял у двери пару секунд, после чего пошёл в сторону сада.

Он понимал, что без смотрительского кабинета Сектор долго не простоит, поэтому решил провести последние дни или секунды своей жизни в любимом месте – в саду. Именно там останутся погребёнными его грёзы об ином мире. Он бы отличался от нынешнего и прошедшего, не был бы лучше или хуже, просто оказался бы другим, в этом-то он уверен. Но что есть мир? К какому выводу можно прийти, начав диалог об ущербности мира как такового, что он – бесполезная дрянь, несущая лишь деградацию сознания и протухание от бездействия мозгов? Или лишь в мире человек способен найти счастье, и неважно, с собой этот мир или со всем миром. Мир – лишь иллюзия? Человек находится в мире или мир находится в человеке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.